

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

1917-2017: уроки столетия

*100-летию революционных событий в России,
100-летию восстановления Патриаршества посвящается...*

**Материалы XXVII-ых Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия**

Томск – 2018

ТРАДИЦИОННЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

СЮЖЕТ ОБ АПОСТОЛЕ ПЕТРЕ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Илюшин И. Н.

Томский государственный университет

Образ апостола Петра - один из самых систематично используемых символов в русской литературе и культуре. Подвергаясь различной трансформации, он становится первообразной основой для художественных произведений, пронизанных религиозной проблематикой. Анализ подобных художественных текстов русской литературы, связанных с евангельским сюжетом об апостоле Петре, зависит от осмысления большого историко-культурного контекста. При этом сам евангельский сюжет (сакральный сюжет относительно его литературной трансформации) об апостоле Петре и его трансформация в русской литературе очевидно семантически коммуницируют, но всё же имманентно различаются между собой. Эти различия проявляются на таких уровнях образного преломления в литературе, как авторская рецепция евангельского сюжета об апостоле Петре (например, в рассказе А.П. Чехова «Студент»), роль этого сюжета в формировании петербургского текста русской литературы (А.М. Ремизов «Украш-венец»), а также трансформация этого сюжета в фольклорных текстах.

Сакральный сюжет об апостоле Петре, представленный в Евангелиях и Деяниях апостолов, структурно осмысляется как сюжет инициации. Он включает в себя следующие элементы:

а) призвание Симона:

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним» (Ев. Матф. 4:18 - 20);

б) его ученичество у Христа и смена имени на Пётр:

«И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства

Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Ев. Матф. 16:18,19);

в) испытание, отречение и раскаяние Петра:

«И сказал Господь: Симон! Симон! Се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих. Он отвечал Ему: Господи! с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти. Но Он сказал: говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься от Меня» (Ев. Лук. 22:31-34);

г) его апостольское служение после смерти Христа в качестве главы христианской церкви.

Обозначив структурные особенности сюжета об апостоле Петре в Новом Завете, нам важно определить, какие элементы из этого сюжета входят в поле русской литературы. То есть нас в глобальном смысле интересует связь литературы и религии и то, что русская литература из этого религиозного сюжета воспринимает, осваивает, на какие культурные запросы русской литературы и культуры он отвечает.

Авторская рецепция сюжета об апостоле Петре извлекает и осмысляет, как правило, только один из элементов этого сюжета, подвергая его членению, детализации. Например, в рассказе Чехова "Студент" писатель прямо обращается к этому сюжету и цитирует текст Евангелия, акцентируя момент испытания Петра. Ср.: *«Если помнишь, во время тайной вечери Петр сказал Иисусу: "С тобою я готов и в темницу, и на смерть". А господь ему на это: "Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня"»* [1]. Здесь же писатель говорит и о раскаянии Петра: *«И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В евангелии сказано: "И исшед вон, плакася горько"»* [1].

В чеховском "Архиерее" происходит тоже испытание, но только в проекции на испытание верой архиерея Петра. В этом рассказе изображаются события накануне Вербного воскресения, которые начинаются в субботу и заканчиваются тоже в субботу – накануне праздника Пасхи, поэтому «внутренняя драма преосвященного Петра, его болезнь и смерть в Страстную субботу позволяют читателю соотнести последние дни жизни героя с эпизодом об отречении Петра и с сюжетом Страстей Христовых» [2. С. 49].

Примеры обращения к этому образу, в контексте авторской рецепции евангельского сюжета об апостоле Петре в русской литературе, не исчерпываются одним лишь Чеховым. В фольклорной национальной традиции существовал такой жанр, как устное предание. Е.И. Алещенко пишет: «Важность этого обстоятельства для судьбы народных верований заметил ещё М.В. Ломоносов, сделавший одну из первых в России попыток описать русскую мифологию как целостную систему: "Мы бы имели много басней как греки, если бы науки в идолопоклонстве у славян были"» [3]. Рассматривая в этом ключе фольклорные тексты, безусловно, необходимо согласиться не только с тем, что принятие христианства прервало развитие и не позволило сложиться древнерусской мифологии, но и с тем, что христианская картина мира оказала большое влияние на формирование фольклорных текстов. Например, конфликт народной сказки или легенды, за счёт влияния на её идейное содержание, стал разрешаться с точки зрения христианской этики. Тем не менее, фольклорный текст, в силу своей самости, сохранил способность оставаться совершенно особенным явлением в русской культуре. Его главная отличительная особенность связана с тем, что «наряду с эстетической он может выполнять функцию средоточия исторической памяти народа» [3].

Обратимся к тексту фольклорных легенд об апостоле Петре из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды». В легенде «Христос-странник» говорится о том, что Господь и апостол Пётр искали место для ночлега в деревне. Христос, остановившись у бедной избушки, не стал возражать Петру, желавшему отправиться на ночлег в богатый дом. Однако зажиточные люди, трижды отказав апостолу, показали, что не рады страннику. Вернувшись к Спасителю, раздражённый Пётр последовал за Христом в бедный дом. Вдова позволила им переночевать и накормила всем, чем могла. За это она получила награду – более шестидесяти золотых монет – по монете за каждый жировой глазок в супе. Об этом прознала хозяйка богатого дома и пригласила странников к себе на обед. Она сварила жирный суп, в котором жировые глазки соединились в один большой глаз. Пётр просил Христа вознаградить хозяйку богатого дома вдвое больше, но Господь дал ей лишь одну золотую монету. Впоследствии Он объяснил Петру свои действия, открывая мудрость своего выбора.

Сюжет, который лежит в основе данной легенды, тесно переплетается с евангельскими текстами. Самое очевидное, к чему нас отсылает легенда, – к притче о лепте бедной вдовы. Ср.: *«Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел*

также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела» (Ев. Лук. 20:45-47; 21:1-4). Как видим, в основе легенды оказывается притча об истинной вере и готовности жертвовать ей всем, которые олицетворяет бедная вдова. В легенде «Христос-странник» богатая женщина олицетворяет ложную веру, которая ассоциируется с притчей о богатом, в которой Христос говорит: *«Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»* (Ев. Матф. 19:23-24).

Ядром же легенды «Христос-странник» выступает событие испытания Петра, связанное с его выбором. Это испытание между истинной и ложной верой. В этой легенде реализуется императивная или предписывающая картина мира, в которой герой (апостол Пётр) выступает в качестве «субъекта этического выбора» [4] и наделяется свободой воли. В притче герой осуществляет «не предначертанность судьбы, а некий нравственный закон, собственно и составляющий морализаторскую «премудрость» притчевого назидания» [5. С. 85]. Отметим, что в евангельском сюжете апостол Пётр выступает, с одной стороны, как исполнитель предписанного действия, связанного с его отречением, а, с другой стороны, становится субъектом этического выбора, который впоследствии раскаивается в содеянном и после смерти Христа становится во главе церкви.

Христос и апостолы в фольклорных текстах стремятся остаться неузнанными, испытывая таким образом людей. А.Н. Афанасьев, комментируя легенды о Спасителе, пишет следующее: *«По народным сказаниям, Спаситель вместе с апостолами и теперь <...> ходит по земле, принимая на себя страннический вид убогого; <...> Это убеждение, проникнутое чистейшим нравственным характером, основано на том, что Спаситель о делах любви и милосердия к нищей братии проповедал как о делах любви и милосердия к Нему самому»* [6].

Рассмотрим еще одну легенду под названием «Апостол Петр» из сборника А.Н. Афанасьева «Русские народные легенды». Ср.: *«... между тем приблизились они к деревне, из которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала их на луг, оставила там и поспешила назад в деревню. – Как, ты хочешь оставить гусей одних? -- спросил ее Петр. – А что, неужли стеречь их и сегодня? У нас нынче храмовый праздник, -- возразила крестьянка. – Но кто же*

должен беречь твоих гусей? -- спросил Петр. -- Пусть Господь Бог бережет их сегодня! – сказала крестьянка и удалилась» [7]. Из этого отрывка можно выделить два фрагмента:

1. *«А что, неужли стеречь их и сегодня? У нас нынче храмовый праздник, – возразила крестьянка».* – Храмовый праздник обычно проводится в память священной или церковной истории или святого, во имя которого освящён храм. Крестьянка, возражая путешественникам, явно не соотносила христианский праздник с личностями, которые её посетили – они остались неузнанными ею.
2. *«Пусть Господь Бог бережет их сегодня! -- сказала крестьянка и удалилась».* Этот эпизод свидетельствует о том, что Христос, присутствовавший при диалоге Петра и крестьянки, также не был узнан.

Ситуация, в которой оказался апостол Пётр в легенде, деконструирует миф о Творце или правителе, не несущим за собой какой-либо ответственности. Тем самым, учитель Христос, который всегда выше своего ученика, наделяя апостола божественными полномочиями, показывает человеческую природу Петра. Именно через апостола – героя, задающего множество вопросов, находящего на них ответы, выпутывающегося из сложных ситуаций, совершается деконструкция, что демонстрирует нам следующий отрывок: *«Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тем менее он должен был сторожить гусей; но дал зарок, что никогда более не пожелает быть Богом»* [7].

Итак, в результате влияния восточной христианской культуры на развитие фольклора произошла трансформация фольклорной традиции. Результатом слияния двух культур стали легенды с библейским сюжетом, особенность которых связана с притчевым началом. Например, в легендах «Христос- странник» и «Апостол Пётр» притчевая коммуникативная ситуация указывает на доминирующий учительный дискурс, который проявляется с помощью аллюзивных отсылок к притчам о блудном сыне и бедной вдове и поучительному дискурсу в них, который разделяет участников коммуникации на поучающего и поучаемого.

Прочитывающийся в легендах сюжет о блудном сыне важен в масштабах всей русской литературы, потому что он включает в себя покаяние как важнейшую духовную составляющую русского национального мироощущения [8]. Это теснейшим образом связано с сакральным сюжетом об апостоле Петре, который основан на архетипической ситуации инициации и в которой отречение Петра,

его покаяние и прощение символически соотносятся с его нравственной гибелью и последующим прощением как воскресением.

Литература

1. Чехов А.П. «Студент». Библиотека Комарова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html>

2. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989. – С. 49.

3. Алещенко Е.И. Сказочный текст как отражение христианской языковой картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. – № 3. – С. 47 – 52. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazochnyy-tekst-kak-otrazhenie-hristianskoy-yazykovoy-kartiny-mira>

4. Аверинцев С.С. Рефлективный традиционализм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.su/13_170518_reflektivniy-traditsionalizm.html

5. Теория литературы: Учебное пособие: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – М., 2004. – Т. 1. – С. 85.

6. Цит. по: Лагута О.Н. «Народные русские легенды» А.Н. Афанасьева и цензура // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. – 2011. – № 9. – Т. 10. – С. 146 – 152. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/4934/21.pdf>

7. Историко-философский альманах «Сентенция». Афанасьев А.Н. «Апостол Пётр». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mnemosyne.ru/library/legend-5.html>

8. Подробнее об этом см.: Радь Э.А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох. – М., 2014.